

Се Жунцзяо не спросил, почему сегодня, в день Середины осени, когда полагается спокойно лежать дома и наслаждаться лунными пряниками, а не в праздник Фонарей, когда по традиции зажигают фейерверки, он вдруг решил устроить шоу. Он лишь молча взглянул на него, ничего не сказав, и повернулся, чтобы вернуться в кабинет.

Когда А Цы вернулся с Малого собрания ароматов, всё было в порядке.

Цзян Цзинсин чувствовал себя неловко.

Вскоре Се Жунцзяо вышел из кабинета с книгой о достопримечательностях Хаоцзина и, указывая на открытую страницу, сказал:

— В Хаоцзине запрещено запускать фейерверки ночью.

— ... — Прожив вдали от Хаоцзина довольно долго, Цзян Цзинсин действительно забыл об этом правиле.

На его лице, однако, не отразилось ни капли смущения:

— Ничего, мы можем сами их запустить.

Если бы рядом находился кто-то, не знающий истинного положения дел, он мог бы подумать, что это какой-то знатный молодой человек, который не считает законы важными.

Тридцать лет назад это было бы недалеко от истины.

Но Се Жунцзяо знал Цзян Цзинсина.

Он закрыл книгу, задумался на мгновение и спросил:

— Учитель уверен, что действительно хочет это сделать?

Цзян Цзинсин поднял взгляд на луну и улыбнулся:

— Сегодня луна такая яркая, мне она нравится, и фейерверки будут очень кстати.

Се Жунцзяо кивнул, ничего больше не добавляя, лишь сказал:

— Только сделайте это красиво.

Улыбка Цзян Цзинсина озарила его глаза, его облик был величественным, как сосна, встречающая восход, и ярким, как луна, освещающая горы.

Улицы в день Середины осени были далеко не так оживлённы, как обычно.

Большинство людей были заняты дома, наслаждаясь таро с сахаром, а после сытного ужина с удовольствием подавали на стол только что испечённые лунные пряники. Их запивали чашкой свежего чая, в котором отражалась полная луна, и, поддавшись настроению, обсуждали политические события и положение в Девяти Областях.

В их разговорах, полных жарких споров, правда и вымысел переплетались. Ложь заключалась в делах империи, в хаосе и неопределённости, где лишь горстка людей на вершине власти могла понять реальное положение дел. Правдой же были семейные узы и любовь, которые можно было ощутить и удержать в руках.

На тарелке остались лишь крошки от лунных пряников, а луна на небе достигла своей полной и безупречной формы.

Цзян Цзинсин лёгким движением указал на небо:

— А Цы, посмотри, сейчас луна в самом пике своей красоты. В этот момент, в этот день из всех 365 дней в году, она самая прекрасная. Нельзя упускать это зрелище.

Хозяин уличного лотка, где они сидели, вышел, чтобы убрать посуду, и с улыбкой сказал:

— В такой замечательный день, почему вы, молодые господа, не проводите время с семьёй, любясь луной, а сидите здесь, в этом убогом месте?

Цзян Цзинсин улыбнулся старику:

— А разве я не с семьёй?

— А, значит, вы братья. — понял старик и с пониманием кивнул. — Ну что ж, наслаждайтесь, а я пойду к своей семье.

Он уже хотел уйти, но, сделав шаг, услышал, как меч в ножнах у молодого человека в зелёном одеянии загудел, словно живой.

Молодой человек тихо сказал мечу:

— Иди.

Меч Бацзи, обладая духом, словно дракон, вырвался из ножен.

В следующее мгновение на небе появились тысячи лучей света, словно небесный полог был разорван, и бесчисленные божественные птицы, несущие благословение, слетелись с сияющими перьями и величественной осанкой.

Тысячи мечей, окружённые миллионами божественных птиц, сгруппировались вокруг одного меча, словно звёзды вокруг луны, горы вокруг солнца.

Этот меч направился к смотровой башне императорского дворца.

С другой стороны Хаоцзина вспыхнул золотой свет, окутавший дворец и половину города.

Девять драконов, грозных и величественных, сплелись телами, защищая дворец своими крепкими чешуями и острыми когтями.

Смотровая башня, на которую указывал меч Бацзи, была местом, где поднималась голова первого дракона, сердцем Великого массива Девяти Драконов, охранявшего дворец.

Девять драконов зарычали в унисон, их рёв сотрясал небеса, словно облака могли упасть на землю.

Их гнев мог разрушить неприступные стены города, разорвать кости и жилы практикующих, превратив их плоть в кровавую массу.

Но всё это было легко разрушено ци меча благородства.

Весь дворец засиял ещё ярче, на его стенах появились бесчисленные золотые символы, накладывающиеся друг на друга, словно волны, несущие мощные потоки духовной энергии в тела драконов.

Меч Бацзи медленно приблизился к смотровой башне.

Се Жунцзяо по-прежнему сидел на своём месте, спокойно держа в руках чашку горячего чая.

Он верил, что Цзян Цзинсин победит, и верил, что это будет красивый фейерверк.

Его вера не имела оснований и не подчинялась логике.

Дом Чжоу покровительствовал двум мастерам этапа небесного человека: одному — Наставнику государства, а другому — человеку, чьё имя было малоизвестно, но чьё мастерство не вызывало сомнений.

Сейчас он стоял в Чертоге Цзычэнь, резиденции императора, с угнетённым видом, и кровь, вытекающая из его сердца, испачкала жёлтый ковёр под ногами, создавая шокирующий контраст между красным и золотым.

Цзи Хуан беспокойно ходил по залу, не обращая внимания на грязь, испачкавшую его сапоги, и спрашивал:

— Разве одного удара меча Цзян Цзинсина восемнадцать лет назад было недостаточно? Неужели Дом Чжоу должен снова опозориться перед одним и тем же человеком, перед одним и тем же мечом?

Покровитель не имел времени и сил ответить ему.

В коридоре за пределами зала появился человек в зелёной одежде, быстро приближавшийся.

Придворные, увидев его, опустили головы и поклонились, выстроившись в ряд от коридора до самого императора.

Наставник государства, увидев Цзи Хуана, первым делом сказал:

— Отключи массив.

Его аура в этот момент была невероятно таинственной и глубокой, словно он был воплощением двухсотлетнего величия императорского дворца.

Он выглядел более императорским, чем сам Цзи Хуан.

Цзи Хуан с горечью в голосе сказал:

— Отключить массив и признать поражение перед Цзян Цзинсином, разрушить смотровую башню и часть дворца? Какой позор для Дома Чжоу после этого останется?

Наставник повторил, его голос был ровным и спокойным:

— Отключи массив, если не хочешь уничтожить весь дворцовый массив.

Цзи Хуан глубоко вдохнул:

— Эта вещь у Жуян, и хотя она находится далеко на Южной границе, я могу активировать массив своей кровью и доставить её в Хаоцзин за мгновение.

Наставник наконец посмотрел на него.

Его глаза были безмятежными, без намёка на эмоции, что почти пугало:

— Пока я жив, не думай об этом.

Не обращая внимания на мрачное выражение лица Цзи Хуана, Наставник повернулся и ушёл, оставив за собой загадочные слова:

— Он основал Северную Чжоу не ради вечности, а ради борьбы с Северной Пустошью и ради лучшего будущего.

— Покойный император не умел выбирать людей. — с тоской сказала императрица Цзян, стоя на высокой смотровой площадке и наблюдая за происходящим.

Она позволила служанке помочь ей спуститься, и шорох её платья, волочившегося по полу, стал единственным звуком, нарушающим тишину дворца.

— Но я и Наставник — умные люди. Как же мы могли ошибиться, выбрав Цзи Хуана?

Громовой грохот разнёсся по всему Хаоцзину.

Смотровая башня исчезла без следа.

От величественного сооружения, где, находясь на вершине, можно было ощутить всю красоту Девяти Областей, до груды пыли и обломков — всё произошло в мгновение ока.

С другой стороны мечи взорвались фейерверками, божественные птицы расправили крылья, и бесчисленные перья, словно миллионы лепестков груши, разлетелись по небу, осыпая головы прохожих и крыши домов спящих людей.

В далёком Южном регионе, в городе Фэнлин, Се Хуань, опершись на перила высокой башни, громко рассмеялся, испытывая огромное удовольствие:

— Отлично! Вот это поступок Цзян Цзинсина! Это и есть настоящий Цзян Цзинсин!

Ректор академии, сидя в беседке у ручья и разговаривая сам с собой над свежесваренным чаем, сказал:

— Мне стоит быть благодарным, что в прошлый раз мне удалось спасти академию от удара меча Святого.

— Но, увы, мир погрузится в хаос.

Война, которая временно утихла двести лет назад с основанием Северной Чжоу, наконец готова вспыхнуть снова, когда плотина Девяти Областей, изъеденная червями, рухнет, и скрытые волны вырвутся на поверхность, готовые поглотить весь мир.

На самой высокой точке королевского дворца Наньмань стояла женщина, одетая в ханскую одежду, с широкими рукавами и высокой причёской, что резко контрастировало с традиционными нарядами Южной границы.

Женщина не была особенно красива, но её врождённое достоинство и величие заставляли забыть о внешности.

Женщина-чиновник за её спиной тихо сказала:

— Госпожа, на этот раз Цзян Цзинсин публично унижил Дом Чжоу. Не стоит ли нам вызвать...

Она сама оборвала фразу, словно даже произнести имя того предмета было непросто.

Принцесса Жуян, или, точнее, королева Наньмань, медленно повернулась и взглянула на чиновника:

— Помни, я прежде всего принцесса Дома Чжоу.

— Поэтому я прежде всего думаю о судьбе Девяти Областей.

— Позор Дома Чжоу, конечно, стоит после их выживания. Цзи Хуан — ребёнок, с которым не стоит иметь дела.

<http://bllate.org/book/16198/1453842>